
**МАТЕРИАЛЫ
И СООБЩЕНИЯ**

**ТОРЖЕСТВЕННАЯ ОДА И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА
ЕКАТЕРИНЫ II:
ЖУРНАЛ “СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА”**

© 2008 г. А. Д. Ивинский

В статье показано, что пересмотр культурной репутации русской оды ломоносовского типа был обусловлен изменением литературных вкусов придворного общества в начале 1780-х годов и санкционирован императрицей Екатериной II и княгиней Е.Р. Дашковой, инспирировавших ряд публикаций на эту тему в журнале “Собеседник любителей российского слова”.

The author shows that the revision of the cultural reputation of traditional Russian ode was due to a change of the court's literary tastes in the early 1780s; it was sanctioned by the empress Catherine II and princess Dashkova and brought about a number of publications on the subject in the literary journal “Sobesednik Lubiteley Rossiyskogo Slova”.

Наиболее влиятельная концепция истории жанра торжественной оды была сформулирована Ю.Н. Тыняновым и Б.М. Эйхенбаумом, которые показали, что разрушение одического канона связано с развитием на рубеже XVIII и XIX веков салонной культуры карамзинского типа, культивировавшей литературные “мелочи”, “салонные” и “домашние” поэтические формы и ироническую игру с “высокими” жанрами. Стремление освободить литературу от непосредственного влияния со стороны придворного общества, как полагали исследователи, привело к переносу на русскую почву европейских форм светского литературного быта. Поэт-дилетант вместо поэта-“певца”, камерная альбомная лирика вместо “громкой” оды – такова, по мнению “формалистов”, эволюция русской поэзии в конце XVIII столетия [1, с. 264–265; 2, с. 63, 86].

При всей очевидной адекватности данной модели, она допускает ряд частных уточнений: распад торжественной оды явственно обозначился еще в начале 1780-х годов; он не был связан с отходом от литературной культуры двора, а, напротив, стал следствием сформулированной императрицей Екатериной II и княгиней Е.Р. Дашковой на страницах “Собеседника любителей российского слова” новой концепции литературного творчества¹.

Показательно, что “Фелица” Г.Р. Державина, с которой обычно связывают решающий эпизод

истории пересмотра статуса торжественной оды, оказалась включена в контекст не привлекавших до сих пор внимания исследователей дискуссий о поэзии, ее назначении и формах ее бытования, развернувшихся на страницах “Собеседника”.

Основной формой этих дискуссий стали не литературно-критические статьи, а поэтические тексты, сам выбор которых раскрывает, пусть и в первом приближении, литературную позицию издателей. Так, в первом номере журнала в державинском “Дифирамбе на выздоровление покровителя наук” обсуждается важнейший вопрос о меценатстве и выдвигается следующая концепция: достижения поэтов, искусства вообще возможны только благодаря таким “предстателям Муз”, как Меценат или И.И. Шувалов, но имена последних остаются в памяти поколений и тем самым обретают “бессмертие” благодаря поэтам, которым они покровительствовали. Однако центральной фигурой литературного процесса оказывается просвещенный монарх, такой, как Петр, принесший в Россию науки, или Елизавета, утвердившая в стране вкус:

Бессмертны музами Периклы
И Меценаты в век живут,
Подобно память, слава, титлы,
Твои, Шувалов, не умрут.
Великий ПЕТР к нам ввел науки;
А ДЩЕРЬ ЕГО ввела к нам вкус,
Ты к знаниям простирая руки
У ней предстателем был Муз.
Досель гремит мне в Илиаде
О Несторах, Улиссах гром;
Бессмертен также в Петриаде
Ты Ломоносовым пером [15, т. 1, с. 27].

¹ Литературное значение “Собеседника” было осознано давно, однако исследований, посвященных данному изданию, немного; целостных описаний его структуры и литературной политики его издателей не существует (см.: [3, с. 181–218; 4, с. 330–341; 5, с. 262; 6, с. 204–237; 7, с. 311–328; 8, с. 270–281; 9, с. 140–147; 10, с. 214–280; 11, с. 1–87; 12, с. 216–231; 13, с. 195–236; 14, с. 113–130]).

Подобная постановка вопроса не только нашла живой отклик у издателей “Собеседника”, но, по всей видимости, была непосредственным отражением их собственной позиции: этим объясняется не вполне тривиальный факт публикации в придворном журнале, за содержанием которого пристально следила Екатерина, дифирамба Шувалову, к которому она относилась резко отрицательно (см., например, историю с публикацией “Вопросов” Д.И. Фонвизина [16, с. 99–154; 4, с. 335–340; 11, с. 15–16]). Так или иначе, именно идея просвещенного покровительства и образ нового Мецената стали основой литературной “программы” издателей “Собеседника”.

В высшей степени показательным в этом отношении явилось “Письмо к В.В. Капнисту” О.П. Козодавлева, который исключительно высоко оценивает сатиру Капниста и обращается к нему с вопросом о причинах его нежелания писать еще в том же духе [15, т. 1, с. 73–74]. Ответ на свой вопрос Козодавлев видит в особенностях современного ему литературного процесса: молодой талантливый поэт не может выносить на суд публики свои произведения, потому что, во-первых, он будет “задушен” дурными стихотворцами, а во-вторых, ему просто негде печататься: “Неужели толпа нелюбимых музами стихотворцев и прочие, кои противу вас за Сатиру вашу восстали, вам в том препятствуют? Или не недостаток ли в периодических изданиях, в которые бы вы стихи ваши помещать хотели, тому виною?” [15, т. 1, с. 74]. Отмечается и другое обстоятельство: русская литература еще не имеет своего читателя: “Публика наша не очень еще охотно читает российские стихотворения: <“>Душенька<“> и многие другие сочинения в стихах лежат в книжных лавках не проданы тогда, когда многие переведенные романы печатаются четвертым тиснением” [15, т. 1, с. 75]. Из этого безрадостного для отечественной словесности положения есть только один выход – покровительство: “Вам не безызвестно, в каком состоянии находятся науки и стихотворство там, где они обретают себе покровителей. В России такие покровители еще нужнее <...> стихотворцы наши не могут еще без покровителей надеяться на одобрение публики; им надобны защитники” [15, т. 1, с. 74–75]. Приводя далее цитату из Буало, Козодавлев приходит к выводу, что “во всех государствах как древних, так и новых времен опытами доказано, что стихотворство без покровителей процветать не может” [15, т. 1, с. 75–76]. К счастью, такой покровитель у русской поэзии появился – это княгиня Дашкова, призванная “восстановить российские Музы” и именуемая новым Меценатом: “Всеавгустейшая наук Покровительница избранием нынешнего Академии Директора даровала Российскому стихотворству нового Мецената” [15, т. 1, с. 74]. Далее, рассуждая о пользе покровителей, Козо-

давлев, обращаясь к Капнисту, напоминает ему о стихах Ломоносова к “Меценату *его времени* (курсив мой. – А.И.)”, т.е. к Шувалову.

Фактически речь идет об актуализации той идеальной модели взаимоотношений поэта и власти, которая и у Козодавлева, и, конечно, у Екатерины II и княгини Дашковой ассоциировалась с сильно мифологизированной историей отношений Елизаветы и Ломоносова. Но если Новый Меценат уже найден, то место Певца (нового Ломоносова) остается вакантным².

Возникает и еще одна проблема – проблема искренности поэта, расточающего похвалы своему покровителю. Отсюда новый вопрос: насколько традиционная ода пригодна для выражения искренних чувств?

Ответить на него пытался все тот же Козодавлев, выражавший позицию Дашковой и Екатерины. Он исходит из двух постулатов. Первый: ода исчерпала свои художественные и идеологические возможности. Второй: именно державинская “Фелица” вдохновила Дашкову на создание журнала. В последнем, шестнадцатом, номере “Собеседника” Козодавлев помещает статью, в которой излагает краткую историю современной ему русской литературы, а также рассуждает о возникновении журнала и о причинах его успеха. Он пишет, что “лет с тридцать тому назад” российский Парнас был представлен всего двумя, хотя и великими авторами. Слава их была безгранична, но, переместившись в “вечное жилище”, они не оставили здесь “законных по себе наследников”. Традиционные оды стали скучны читателям, они больше не привлекают такого интереса, как прежде, и “служат пищею мышам и крысам”. Все меняется в конце 1782 г., когда Державин сочиняет свою оду. Поэт читает ее “некоторому молодому россиянину” (т.е. Козодавлеву), которого она “восхитила до слез”, однако она “довольно долгое время пребывала в карманах” покровителей и любителей искусства и оставалась неизвестной государыне. Лишь в начале 1783 г. “помянутый россиянин” показывает “сие сочинение начальнице Парнаса”, т.е. княгине Дашковой, а она, “красоты и истины, находящиеся в сей оде, почувствовав, решилася приказать ее напечатать”. Далее исчисляются основные причины успеха журнала, среди которых отмечается как талант Татарского Мурзы, так и блистательные произведения, принадлежащие императрице (“Записки касательно российской истории” и “Были и небылицы”) [15, т. 16, с. 3–13]. Таким образом, фактически произведения Державина ставятся в один ряд с екатерининскими и впервые в истории русской литературы произведения поэта и мецената комментируются как равновеликие.

² Подробнее о “Сатире” Капниста см. [17, с. 204–229].

Итак, устами Козодавлева Екатерина и Дашкова задают парадигму восприятия как литературного процесса в целом, так и одического жанра в частности. Современные “скучные” оды противопоставляются ломоносовским: начинается новый этап развития русской литературы, требующий сохранения в культурной памяти лишь подлинных достижений прошлого, а они ассоциируются с поэзией Ломоносова; показательно, что именно к нему в “Собеседнике” проявляли повышенный интерес [8, с. 270–281].

Так, И.Ф. Богданович печатает трактат “О древнем и новом стихотворстве”, посвященный практически полностью одному Ломоносову, который объявляется главою российского Парнаса. При этом подчеркивается, не без сознательной мифологизации истории, что Ломоносов мог стать великим поэтом только в той благотворной культурной среде, которая была создана сначала при дворе Елизаветы, а потом и в еще большей степени – при Екатерине, культурная политика которой фактически связывает два периода русской литературной истории – ломоносовский и державинский. Разумеется, деяния Екатерины не сводятся к заботам о поэтах и поэзии: “Снабжая Империю мудрыми установлениями, насаждая благовоспитание, распространяя благонравие, умирняя внешних врагов, и привлекая милосердием под свои законы новые области, Она наиболее побудила нас видеть сколь нужны науки и достоинство слова во всяком благоустроении, и сколь направление сердца и научение разума во всякое время полезны вообще и частно отечеству” [15, т. 8, с. 10]. Последнее по времени благодеяние императрицы – создание Российской академии: “Не доставало в России для распространения слова установленного общества; ОНА, препоручив правление Наук их отличной любительнице, вверяет ей благоустройство новой Российского слова Академии <...>” [15, т. 8, с. 11].

Показательно, что в “Собеседнике” впервые публикуется неизвестный текст Ломоносова “Стихи сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии <...>” [15, т. 11, с. 149–150]: отношение идеального поэта прошлого к власти должно быть осмыслено как высокий и необходимый образец. Козодавлев в “Письме к Ломоносову” называет Ломоносова “бессмертным од творцом”, “великим мужем”, приучившим народ к искусствам и наукам, “истинным пиитом”, образцом для Российских муз, Пиндаром, несравненным поэтом (“тебя другого нет”), только Державин именуется его “последователем” [15, т. 13, с. 167–171].

Итак, Державин объявляется “наследником” Ломоносова: та литературная программа, которая была изложена в “Письме В.В. Капнисту” Ко-

зодавлева, начинает воплощаться в жизнь. “Фелица” Державина обсуждается как образцовый текст. Один за другим следуют восторженные отклики на нее В. Жукова [15, т. 3, с. 46], М. Сушковой [15, т. 5, с. 3–6], Козодавлева [15, т. 7, с. 40–41], Е.И. Кострова [15, т. 10, с. 26–30], Я.Б. Княжнина [15, т. 11, с. 5–7]. “Простые”, свободные, искренние стихи, далекие от риторики – вот что отмечают современники в “Фелице”.

Во-первых, державинская ода естественным образом противопоставляется песням, которые призваны “вельможей пышных забавлять”. В отличие от обычных одописцев, Мурза не льстил и говорил лишь истину:

Мурза в стихах своих к Фелице
Одну лишь истину писал,
Не лстя премудрой сей Царице,
Что сделала она, сказал –
И звуки правды раздались,
И нежны слезы полились
У всех из радостных очей [15, т. 7, с. 40].

Во-вторых, отмечается своеобразие поэтического языка Державина. Так, например, в “Письме к творцу оды, сочиненной в похвалу **Фелицы** Царевны киргизкайсацкой” Е.И. Кострова читаем:

Путь непротоптанный и новый ты обрел.
<...>
Тебе внимали все прилежно,
Хваля твоих стихов прекрасну новизну
[15, т. 10, с. 26, 27].

Этот “непротоптанный путь” открывается поэту как результат обследования всех остальных:

Тебе достоин честь и похвала сия,
Что ревностью ты пылая,
И все пути изобретая,
Стараешься вознестъ природный наш язык
[15, т. 10, с. 29–30].

Капнист, Костров, Княжнин, А.С. Хвостов признают, что писать оды по-старому после “Фелицы” уже невозможно. Из номера в номер в “Собеседнике” печатаются тексты, в которых декларируется отказ от поэтики традиционной торжественной оды. Одический жанр объявляется находящимся в кризисе. Традиционные оды третируются как вышедшие из моды и неспособные воспеть должным образом императрицу, поскольку культивируют не высокий стиль, а всего лишь высокопарный, неизбежно ассоциирующийся с “льстивой бездарностью”.

В пятом номере “Собеседника” печатается новая редакция “Сатиры первой и последней” Капниста: это был литературный манифест держа-

винского круга поэтов. Посмотрим, кто же и за что обличается в данном произведении.

Во-первых, это “самохвал” Н.П. Николев:

Учености надев личину дерзновенно,
Самхвалов хочет всех насильно, неотменно
Уверить о своем и знаньи и цене,
Он качества свои хваля на едине,
Упорно в том себя нередко уверяет,
Что он и то, о чем в свой век не слышал, знает,
Но пустым слогом вздор стараясь заглушить,
Принудил дураков себя премудрым чтить

[15, т. 5, с. 165].

Во-вторых, это В.П. Петров с его любовью к “славенско-русскому” бреду, т.е. к экспериментам с архаической лексикой и синтаксисом:

Пиитом Чуднов быть взят на себя обузу,
Неволею свою летать заставля музу,
Свой мелкомысленный Славенско-Русский бред
За образец ума и вкуса выдает

[15, т. 5, с. 165–166].

Главная проблема, по Капнисту, заключается в том, что недостойные стихотворцы, пытаясь воспевать дела великой Екатерины, тем самым их компрометируют:

Иные, чтоб себя пред светом отличить,
Усердием своим стремятся помрачить
Дела Монархини, воспев их недостойно,
Нелепым голосом и низко и нестройно

[15, т. 5, с. 169–170].

Поэтому основная задача “Сатир” – обличить “ослиный собор” таких поэтов, вынудив их

Не ставить на подряд за деньги гнусных од,
И рылом не мутить Кастальских чистых вод

[15, т. 5, с. 171–172].

Как видим, традиционная ода здесь предстает как своего рода символ продажной бездарной льстивой поэзии. Именно на нее и на известных поэтов, работавших в этом жанре (Николев, Петров, Рубан) и обрушил свой гнев Капнист.

Поэзия новая – это поэзия “неискусная”, основанная на “простоте” и искренности, непревзойденный образец которой – все та же “Фелица”:

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облака летать;
Чтоб, равновесия не соблюдая законов,
Летя с высот и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться,
В своем полете возвышаться,
Фелицыны дела явятся выше нас;
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам по сей дороге
Идя со скромностью к ней возносить свой глас.

<...>

Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды;
Ты простотой умел себя средь нас вознестъ

[15, т. 10, с. 28, 29].

Размышления об одическом жанре мы находим и у Княжнина, который в “Письме княгине Дашковой” подробно характеризует оду ломоносовского типа. Княжнин иронизирует над штампами, над “вечной” одической рифмой “Екатери-ну–крину”, говорит о ложной восторженности и смеется над “пророчествами” записных певцов Екатерины:

Я ведаю, что дерзки оды,
Которы вышли уж из моды
Весьма способны докучать.
Оне всегда ЕКАТЕРИНУ,
За рифмой без ума гонясь
Уподобляли райску крину,
И в чин пророков становясь,
Вещая с богом будто с братом,
Без опасения пером,
В своем в займы восторге взятом,
Вселенну становя верх дном,
Отсель в страны богаты златом
Пускали свой бумажный гром;
Нас по уши обогащали,
И Инд и Ганг поработали [15, т. 11, с. 5].

Как и другие авторы “Собеседника”, Княжнин выступает за простой стих, который наполнен правдой, а не усердием. Не восторг, а ум – вот что нужно для описания дел Екатерины:

Дела ЕКАТЕРИНЫ числя
О них со удивленьем мысля,
Не по восторгу, по уму
Хоть духом в след сравнений ходит,
Но ей достойных не находит;
Тово, как сердца стих простой
Наполнен правдой, не мечтой,
В усердии своем свободен,
Надеюсь, может быть угоден.
Я сею мыслью ободрен [15, т. 11, с. 6–7].

В десятой книжке “Собеседника” помещена ода “Хочу к бессмертью приютиться” А.С. Хвостова [18, с. 542]. Здесь обыгрываются и пародийно переосмысляются основные одические мотивы. Иронически апеллируя к потребностям пишущих “оды назаказ”, Хвостов создает комическое руководство по их массовому производству и строит свой текст как энциклопедию штампов, обыгрывая основные композиционные ходы и лексические средства. Например, он обращается к мотиву реки, текущей вспять, или обычному в оде упоминанию античных героев и ветров (Борей, Нод, Аквилон, Геракл) и создает почти бессмыслен-

ный текст, заставляющий вспомнить о сумароковских “Одах вздорных”:

Велим, поворотя оглобли,
Реке Алфею течь назад;
А чтоб Еака сбросить с кровли
Велим Ираклу ехать в ад.
Пусть Мом слов острых пять шесть скажет;
От ветров станет пыль столбом,
Бореи, Аквилоны, Ноды,
Все эти Дутики уроды,
Пускай верх опрокинут дном [15, т. 10, с. 166].

Весьма показательным представляется ряд переключек Хвостова с Княжниным; ср., например, хвостовское “пускай верх опрокинут дном” и княжнинское “вселенну становя верх дном”; в обоих случаях подчеркивается неправдоподобие одических картин. Княжнина не удивляет, что подобная поэзия могла вызвать “одно зеванье”:

И так, не чудно то, когда
Докучных Лир стишисты чада
Твердя все то же завсегда,
Уморою Сухово склада,
Могли вниманье отвратить
Воспетой ими Героини;
И только от своей богини
Одно зеванье заслужить [15, т. 11, с. 6].

Заканчивает Хвостов свое произведение рассуждением о том, что, хотя его ода и несовершенна, но при этом ничуть не уступает другим:

Быть может, не всему я миру,
Набрякав оду, угодил:
Да надо ведать, что вить лиру
Я у носящева купил
Иной на рынке Лир не купит,
А так же таки оды лупит;
И так же наш брат грамотей.
Пожалуй, не судите строго:
Веть Ломоносовых немного;
Другие ходят все с жлудей [15, т. 10, с. 168].

Так сочинение од фактически объявляется фактом культурной патологии.

По мере того, как менялась репутация жанра, менялся и образ поэта. В четвертой книжке “Собеседника” был опубликован анонимный “Ответ на вопрос, что есть Пиит?”. Как полагает его автор, литературная современность отмечена резким падением вкусов, и поэтами теперь именуют тех, кто недостойн их великих предшественников,

Которы быв умом высоким одаренны,
Имели чувства и мысли возвышенны,
Во песнях славили сложенных из стихов
Законодателей, Героев и Богов,
И оными сердца всех смертных восхищали:
Тех в древни времена пиитами зывали;

Но ныне всякий тот считается Пиит,

Ломает кто язык и рифмою звенит [15, т. 4, с. 108].

И в “Ответе на вопрос <...>”, и в стихах Хвостова отражено общее настроение, владевшее придворным сообществом: пропало уважение не только к оде, но и к стихотворцу и, как следствие, к поэзии в целом. Этот феномен отметила и Дашкова. В девятом номере “Собеседника” в своей “Вечеринке” она решила показать отношение публики к русской литературе. Творения отечественных авторов не читают, ими не интересуются, их не знают, да и вся словесность производит впечатление чего-то неживого: “Бедные российские писатели! Вот как сочинения ваши читаются. Не худо бы рассмотреть, от чего Российское стихотворство кажется погребено с телом бессмертного Ломоносова и от чего подобные ему писатели, ежели ныне таковые есть, остаются в неизвестности, хотя науки и писатели покровительствуемы Российской Минервою более, нежели то во времена прошедшие бывало?” [15, т. 9, с. 245]. В этом же контексте прочитывается помещенное в десятом номере анонимом “Щастливое излечение зараженного болезнью сочинять”. Данное произведение – исповедь кающегося продажного поэта. Вот как оценивает он свое творчество: “О вельможи, вы теряете во мне верного вам доброхота, который всегда искренно желал, чтоб вас повышали в чины, дабы вас поздравить своими стихами, но сим вы освобождаетесь также и от недоброжелателя своего, который желал часто вашей смерти, дабы за Эпитафию вымучить у ваших сродников несколько рублей” [15, т. 10, с. 156].

Падение читательских вкусов – симптом умирания поэзии. В стихотворении А.С. Шишкова “Старое и новое время” находим симптоматическое противопоставление древности, почитавшей истинную поэзию, и современности, когда высокое искусство оказалось при смерти, если не совершенно умерло:

Бывало в прежни веки,
Текли сладчайши реки,
И прозы и стихов
Из авторских голов;
Писатель восхищался,
Читатель им прельщался.
А ныне уж не так:
Кастальский ключ иссяк.
Не слышно больше звона
От лиры Аполлона.
Измученный Пегас
На силу на Парнас
Лишася прежней силы,
Таскает ноги хвиль;
И Муза уж пошла
Ха ха! ... Ха ха! ... Ха ха! ... [15, т. 13, 42–43].

Наконец, в том же номере помещено “Письмо к Ломоносову” Козодавлева. Раздавая щедрые похвалы покойному поэту, Козодавлев рассуждает о современном положении одического жанра и приходит к неутешительному выводу:

Хоть после многие и сочиняли оды,
Но те же самые их вывели из моды [15, т. 13, с. 169].

Из молодых авторов можно отметить, как полагал автор, только Державина, проложившего новый путь одической поэзии, но и он непозволительно медлит, не желая или не умея оценить значимость литературного проекта издателей “Собеседника”:

Из новых здесь творцов, последователь твой,
Любимец Муз и друг нелицемерный мой,
Российской восхитясь премудрою царицей,
Назвав себя Мурзой, Ее назвав Фелицей,
На верх Парнаса нам путь новый проложил,
Великие дела достойно восхвалял;
Но он к несчастью работает лениво

[15, т. 13, с. 170–171].

Итак, констатация предсмертного состояния истинной поэзии в публикациях “Собеседника” сочетается с последовательным и решительным пересмотром репутации придворной оды ломоносовского типа, которую профанируют эпигоны и “продажные поэты”. При этом историческое значение поэзии Ломоносова не только не ставится под сомнение, но и подчеркивается: мифологизированная история отношений Елизаветы и Екатерины с Ломоносовым осмысливается как идеальная модель взаимодействия литературы и верховной власти, которые “обмениваются” некоторыми “полномочиями”. Поэтам принадлежит власть над “вечностью”, которой они открывают величие власти, а власть, которой принадлежат судьбы поэтов, сама иногда снисходит к литературному творчеству, дабы наставить их на истинный путь. В качестве поэта новой эпохи, которому суждено было выразить изменившиеся вкусы придворного сообщества и культурную программу “Собеседника”, выдвигается Державин, чья культурная миссия осмысливается по аналогии с ломоносовской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
2. *Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Маршрут в бессмертие. М., 2001.
3. *Афанасьев А.* Литературные труды Е.Р. Дашковой // Отечественные Записки. 1860. № 3.
4. *Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
5. *Вяземский П.А.* Фонвизин. СПб., 1848.
6. *Грот Я.К.* Жизнь Державина. М., 1997.
7. *Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в “Собеседнике” кн. Дашковой // *Грот Я.К.* Труды. Т. IV. СПб., 1901.
8. *Кочеткова Н.Д.* Отзывы о Ломоносове в “Собеседнике любителей русского слова” // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л., 1962.
9. *Кочеткова Н.Д.* Дашкова и “Собеседник любителей русского слова” // Екатерина Романовна Дашкова. Исследования и материалы. СПб., 1996.
10. *Макогоненко Г.П.* Радищев и его время. М., 1956.
11. *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Записки императорской Академии наук. СПб., 1863. Т. III.
12. *Пигарев К.В.* Творчество Фонвизина. М., 1954.
13. *Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
14. *Стенник Ю.В.* Вопросы языка и стиля в журнале “Собеседник любителей русского слова” // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.
15. Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых русских писателей. Части 1–16. СПб., 1783–1784.
16. *Викторов Н. (В.Л. Бурцев).* Императрица Екатерина II и кн. Е.Р. Дашкова (1761–1794). Переводы писем Екатерины II Дашковой и комментарии к ним // Справочный том к запискам Е.Р. Дашковой, Екатерины II, И.В. Лопухина. М., 1992.
17. *Степанов В.П.* Poleмика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания “Недоросля” // XVIII век. Сб. 15. Л., 1986.
18. Поэты XVIII века. Т. 2. Л., 1972.